

Василий Васильевич Розанов

ЕЩЕ О «НАУЧНОМ СОСТОЯНИИ» РОССИИ

Вопрос о «науках в России» так интересен и со стороны фактов, и со стороны вытекающих из фактов соображений, что о нем хочется говорить и говорить...

Тут важны и мелочи, личные впечатления, — всегда и всякого толкающие к выводам; и проверяющие обозрения библиографии. Позволю себе поделиться первыми...

Когда, лет десять назад, мне была принесена в подарок горсть серебряных греческих монет, — Афин, Сикиона, Коринфа, Фессалии и т. п., — и я жадно стал искать их *понять*, т. е. определить себе: 1) что на них *изображено*, 2) что значат *буквы* на них, т. е., как потом оказалось, *инициалы* имен городов, 3) какого они *времени* и 4) какой *страны и города*, — то...

Пришлось все это узнать, и оказалось единственно возможным узнать, — из *показа* добрейшему хранителю Императорского Эрмитажа, А. В. Маркову... Это все равно как если бы кто-нибудь, желая узнать, «сколько часов», должен был в Петербурге бегать на Николаевский вокзал и там узнавать «время»... Это — мелочь, но «мелочи» всегда — иллюстрации сущности.

У него же «из рук» я узнал римский динарий... «Узнал», т. е. как бы «снял шапку» перед знакомым. «Познакомился»...

— Да что, неужели в русской ученой литературе нет изображения римского динария? И нет изображения афинской монеты? Он человек очень рассеянный, и сперва ответил: — Нет.

А при втором или третьем свидании сказал:

— Есть какой-то атлас Цыбульского, преподавателя царскосельской гимназии. Но я не видал.

Он по добродетели не договорил: не видал, как *дрянь*, на что не стоит смотреть... Ибо у русских в науках вообще ни на что не стоит смотреть.

Покупаю, однако... Откуда же узнать, какой вид имеет афинская монета? Этот вид узнаю, — и еще узнаю вид нескольких монет, так сказать «образцовых»... «Ну, слава Богу, благодетель Цыбульский»... Все-таки, однако, не русский, а поляк. Читаю, рассматриваю и вижу: то снимок «монеты, хранящейся в Берлинском музее», то «монеты, хранящейся в Британском музее»... Еще при свидании спрашиваю Маркова:

— Да, но Цыбульский дал изображения «редчайших монет, хранящихся в Берлине и Лондоне»... А как же я узнаю свои *обыкновенные монеты*: вида их нет у Цыбульского.

— Позвольте взглянуть...

И, перелистав, ответил:

— Да это совершенно обыкновенные монеты, которые есть и в Эрмитаже, и есть везде, решительно, где какие-нибудь монеты собираются. Зачем Цыбульский писал «из Лондона и Берлина» — неизвестно. Но их у него так мало вообще, что ваше «обыкновенное» не совпадает с «обыкновенным» у Цыбульского. Бросьте! Т. е. не монеты, а книгу.

Все-таки беспокоюсь, недоумеваю, — и еще при следующем свидании спрашиваю того же терпеливого Маркова:

— Отчего Цыбульский написал такую грубую и плоскую книгу или, верней, — книжонку, которая стоит четыре рубля и ни к чему не пригодна? Между тем ведь он ездил в Лондон и Берлин?..

— Да ни в какой «Берлин и Лондон» он не ездил, а сидел в царскосельской гимназии, рисунки же взял он из *атласов*, приложенных к описанию монет Берлинского и Лондонского мюнц-кабинетов.

— Отчего же «снимки монет» он не взял из Эрмитажа?

— Оттого, что они не изданы.

— Ничего?

— Ничего не издано.

— Отчего?

— Да мы задыхаемся в работе. Нас, «хранителей мюнц-кабинета», двое: а в Берлине их шесть, в Лондоне восемь, остальные четверо там и «издают», и «описывают»: а мы два — параллельны тем двум ученым Берлина и Лондона, которые, как и у нас, «производят текущую работу», т. е. перебирают тот большую частью монетный мусор, который находится при археологических раскопках, и редко-редко в нем найдется что-нибудь новое и интересное; да производим «переписку» по нашему собранию с иностранными учеными, составляем «отчеты» и пытаемся составить, хоть по частям, каталог. Но не можем. И так мы уходим позднее «служебного срока» и являемся на работу раньше тоже «служебного срока». Являемся так рано, каквив какую петербургскую канцелярию чиновники.

Терпеливый, стойкий, деятельный, — Марков действительно всегда имел усталый вид.

«Двое» — и весь секрет. Но если Цыбульский брал образцы из «Лондона и Берлина», то для *кого* же, для *чего* существует эрмитажное собрание монет? Спрашиваю Х. Х. Гиля, умершего ныне, — об Эрмитаже (он был его постоянный посетитель):

— Я думаю, — говорю я, — эрмитажное собрание монет стоит несколько миллионов рублей?

Гиль поднял голову. В лице — упрек и строгость.

— О, не «несколько»... *Много* миллионов стоит...

— Отчего не издается каталог, атлас? Отчего не делается «описание»? Ведь это какое же *пособие* для истории, какое собрание исторических *памятников*... Прежде всего — это *портретная галерея* всех исторических лиц, решительно всех... Статуи дают только тысячную долю того, что дают монеты, часто в большой величине...

— О, да... Но нет времени. Их только *двое*, тогда как в Берлине, Вене, Париже, Лондоне по шести, по восьми «хранителей». До Маркова «хранители» ничего не делали и даже не распределяли монет по витринам, а новые приобретения, пожертвования и проч. складывали в сундуки и держали в чуланах... Марков теперь и приводит в *наличность* все эти склады, эти вороха монет... До него Эрмитаж даже не знал, *чем он собственно владеет*. Но издавать трудно и... неловко перед иностранными учеными и перед иностранными кабинетами еще отчасти и потому, что вследствие вековой беззаботливости и небрежности эрмитажное собрание монет не имеет в себе *логики*...

Так и сказал. Я удивился: что общего между «логикой» и «монетами».

— Некоторые его отделы не имеют себе равных в свете по подробности, по

ценности, по редкости. Но зато другие отделы, и как раз самые центральные, например отдел греческих монет, так бедны, что «издавать» их — значит стыдить себя и стыдить Эрмитаж.. Нужно много еще работать, много собирать и *покупать*: но это зависит от ассигнований... Сам по себе и в целом Эрмитаж занимает по монетам пятое или шестое место в мире: но он весь, так сказать, перекошен, однобок, односторонен... Надо много работать, много еще работать...

Опять дивлюсь: его атласы какую бы *иллюстрацией* при преподавании в гимназиях русской истории, греческой истории, римской истории, да и истории всех европейских династий, истории реформации, папства... Подобный атлас — настольное пособие для гимназии, для гимназиста..

Не понимаю ничего. Прохожу как-то по его пустынным, великолепным залам, с такими чудными витринами «*style empire...*». Привычным взглядом окидываю золото и серебро Селевкидов и Птолемеев... Подходит сторож и застенчиво говорит:

Как хорошо делали монету...

— Да. И все это до Рождества Христова.

— Как, неужели еще до Иисуса Христа?!!

— Да, все. И задолго.

— Но какая же это *красота!*..

Сторож сказал... Что же сказали бы гимназисты; студенты! Если бы им послан был хотя «отброс»; т. е. чуть-чуть испорченные экземпляры бесчисленных эрмитажных дублетов? Отчего это не пришло в голову гр. Д. А. Толстому, насадителю классического образования в России? Не пришло и не приходит на ум ни Шварцу, ни Кассо?

«Странно, — думал я... — Залы пустынные... Их никто не посещает: и, собственно, если инквизиторски допросить, для *чего и кого* существует это пятое в свете по ценности собрание античных монет, то вот и придется ответить, что лишь для восхищенного ответа сторожа-простачка: "Какое это великолепие!" — Строго говоря, эрмитажное собрание монет существует просто для любования охраняющих их сторожей-мужичков.

А для образования России они — ноль.

В «русской ученой литературе» нельзя отыскать изображения даже *римского динария*: и я ни в гимназии «классической», ни на историка-филологическом факультете Московского университета не видал этого динария ни в «живом виде», ни хотя бы в рисунке!!!

А на Западе... Тот же трудолюбивый Марков составил (на французском языке) описание парфянских и персидских монет, подаренных К. А. Губастовым музею азиатского департамента м-ва иностр. дел, приложил к описанию *библиографию* книг по этим одним монетам (какая специальность!). *Список книг* только по этому отделу, крошечному в нумизматике, *занимает* двадцать *страниц*: и из многих сотен трудов на всех языках, в том числе и на *турецком* даже, печатавшихся начиная с *XVII* века (время Алексея Михайловича), нет ни единого только на языке Пушкина и Ломоносова, на языке русских университетов и русской Академии Наук!!

Куда «парфяне и персы»: римского динария нарисовать не сумели!! Ну, т. е. не «распоясались». Просто — лентяи, тунеядцы.

Студенты тянут «Дубинушку», а профессора... должно быть, играют в преферанс. Другого объяснения не могу найти. Никто не заинтересовался, когда весь свет интересуется; никто ничего не написал, когда написано на всех

языках, написали даже *турки*, — и начали писать со времен еще нашего Алексея Михайловича!!

Скажут: «Это — мелочь». Да, но и всеобщей истории никто *не изложил* до проф. Кареева: *а кафедры* всеобщей истории существовали *сто лет до него*. О таланте я не говорю: за талант — Бог ответствен. Но за прилежание уже *люди ответственны*. Вот прилежания-то, трудолюбия и не было в русских профессорах.

* * *

Сюда-то вот как раз и падают слова Академии Наук, удивившие своим тоном, я думаю, немало людей в России.

«Императорская Академия Наук хотела бы верить, что известия, появившиеся в печати, о предположении министерства относительно заграничной командировки для кандидатов на профессорские кафедры не имеют для себя оснований. Но если они истинны, то, *приняв предполагаемую меру*, русское министерство народного просвещения объявит русскую школу несостоятельной; *тем самым* оно открыто *признает и слабость русского государства*, будто бы лишеного того источника жизни, которым является самостоятельное развитие науки. Оно всенародно заявит, что наше государство не в состоянии создать в нашем отечестве условия, необходимые для свободного и здорового ее роста. Оно поколеблет веру в силу и значение русской науки, *без которой не может быть и могущественного государства*».

Это заявление, очевидно коллективное, т. е. которое было или сочинено сообща, или во всяком случае сообща выслушано и одобрено членами академии, может быть, и являет «силу науки», но странным образом не являет даже знания русского языка, знания значения русских слов, а также и знания истории, хотя бы «по Иловайскому». Судите сами:

1) Если мера министерства «принята», то, значит, она не «предполагаема», а если «предполагаема», то, значит, еще не «принята». И сказать - «приняв предполагаемую меру» — невозможно по-русски. Нужно было сказать: «приняв вышеупомянутую (нами) меру», или: «допустив справедливость слухов, что министерство остановилось на этой мере», или «предполагает принять эту меру». И т. д. Комбинаций — множество: но академия выбрала невозможную.

2) При Филиппе Македонском, во времена Порция Катона, при Карле Великом, Филиппе II испанском, при Петре Великом и при Екатерине II «государство было сильно», но науки были в грубом, зачаточном состоянии, почти отсутствовали. Напротив, Италия эпохи "Возрождения" не имела ничего, кроме бессильных в нашем смысле князьков, а явила расцвет образованности, расцвет и наук, — в *стадии того времени*. То же Германия до ее объединения под главенством Пруссии: именно тогда она явила расцвет наук и философии; а после Бисмарка все это сравнительно увяло.

Но, самое главное, подписал «заявление» вице-президент академии, академик Никитин: тот самый, который перевел с немецкого компилятивный, ни с какой стороны не гениальный труд — «Словарь классических древностей» Любкера. Отчего же он, как «самостоятельный ученый», хотя бы в сообществе с другими тоже «самостоятельными русскими учеными», не *составил сам и лучшие* коротенького, плохонького, в высшей степени недостаточного «Словаря» Любкера: недостаточного для того, что в нем даже

не названы все (т. е. исчерпывающим образом) римские императоры. Почему он такого «Иловайского» перевел на русский язык? Да потому, явно, что русские ученые вообще ничего не умеют не только создать, сотворить в науке, задаться новою в нем *инициативою*, загореться новым *одушевлением*, *планом*, *мыслью*, — но даже не умеют и хорошо составить кой-какую *книжку*, кой-какую *компиляцику*, кой-какое *изложение* общеизвестных вещей.

И все оттого, что... «мы хотели бы верить»... Вот «задать тон» — они умеют. О, это уже не труд, не работа: это — тщеславие. А тщеславный индейский петух, при самой плохой или, лучше сказать, немудреной его работе около кур, смотрите, как широко распускает хвост. Профессор Андреевский тоже писал, что он *изъявил согласие* принять на себя «редактирование» первых томов «Словаря Брокгауза и Эфрона», когда посыпались, при появлении первых томов, упреки за плохой их состав и невнимательное редактирование: и тогда вся Россия смеялась этому величавому «изъявил согласие». Да, как поется в «Прекрасной Елене»:

Шли величаво
Мы, два...

И все-то они «идут величаво», наши профессора, университеты, академии: но что они несут «под мышкой»?

Переводные компиляции с немецкого...

* * *

Еще в практических науках, как медицина, техника, механика, как химия и математика, в ответ на громадное требование жизни, в ответ на громадное движение материала под рукою (фабрики, заводы, больницы, больные) существует у нас «школа», «традиция», «честь», «трудолюбие» и энергия... Существует «наука» по крайней мере, как большие осязаемые куски ее, хотя между собою не связанные и не растущие вперед непрерывно, непременно и неодолимо. Афоризмы есть, целого нет; острова «вышли из тумана вод», как при сотворении мира, — но материка не показалось никакого. Были Остроградский, Буняковский, Чебышев — теперь и таких нет; как Менделеев и Бутлеров — тоже таких нет; как Буслаев и Тихонравов — нет. Это довольно обширный круг наук, в котором всюду виден упадок, отступление назад, понижение. Даже в вице-президенты Академии Наук пришлось выбрать или «избрать» переводчика немецкой компиляции: явно — «на безрыбье и рак рыба». Вот такие-то «отступления назад» невозможны там, где наука самостоятельна. Нет, — «русская наука» вся заимствованная, и вся она какая-то «составленная из частиц», склеенная государственным клеем и легко укладывается в рамки «по штатам и должностям». Отчего же нам не ездить в страны древнего одушевления наукою — в Германию, Францию, Англию? Т. е. почему не посылать туда начинающих ученых для приготовления к занятию профессорских кафедр и каким образом можно отсоветовать такую посылку? Как расцвел Московский университет при попечителе графе Строганове, который обильно применил к делу этот прием посылки в заграничную выучку студентов, с успехом окончивших университет! Возьмем юриспруденцию и нравственность: да все русские ученые работают «по Иерингу», как до него применяли «социологический метод

Спенсера». Все русские диссертации писались и пишутся по заграничным шаблонам, на заграничные темы, по заграничному методу и под влиянием заграничных идей. Русского — только «гражданский шрифт» Петра Великого, да место печатания — университетская или академическая типография. Но отчего? Отчего? Таланта, что ли, нет? Во-первых, действительно таланта нет, а главное, нет вот этого *векового*, даже *полутысячелетнего* одушевления, еще со времен реформации и даже схоластики. Посмотрите, какие *умозрительные* труды создавались там еще в эпоху схоластики. Не все же были анекдоты, вроде «числа ангелов, умещающихся на острие иглы». Это была острота озлобленного ума, разгневанного ума, в своем роде «писаревская острота» против великой западной эстетики, против схоластических систем, так же величественных и изумительных, как готические кафедралы. Там были «Пушкины мысли», «Гоголи мысли», — чего у нас решительно *никогда не было*. У нас были высокие таланты, но собственно *всесовершенство гения в науке* не было ни одного, — включая даже и Ломоносова сюда. И выключая единственного Лобачевского, который был какою-то «странностью» на русских полях и казался сотоварищам-профессорам «не совсем в здравом уме» (слова мне вдовы одного профессора, товарища Лобачевского, г-жи Ляпуновой). *Ни одна новая наука в России не зародилась*. А есть какое-то родство между пунктом земли, «пупом земли», и между человеческим духом: почему-то и герои, и цезари, и папы все росли в том же Риме, почему-то Париж всегда был или «обворожителен», или любил «новинки» в идеях и людях. Германия — страна «Фаустов». Россия — пока замечательная страна «лишних людей». Энергией не страдаем, от излишества инициативы с ума не сходим. «Полёживаем»... Что же тут делать министерству, которое должно обо всем *заботиться*? «Сочинять диссертации» оно не может; и все, что может, — это повторить метод Строганова. «Своего нет, может быть, за границу наберутся духа». «За границу» они во всяком случае прикоснутся к тем «пупам земли», откуда росла наука, росла по необъяснимым законам и причинам; «попадут в сферу» тысячелетнего одушевления мыслью, стойкого, неутомимого, неутолимого в жажде.. Вот «жажды знаний, простой жажды знаний, этого благородного любопытства ума, хотя бы даже на степени «бабьего любопытства», — у нас ужасно мало; а где меньше всем, — то это, кажется, в университетах. От этого у нас «сообща пьют», но «сообща» не *путешествуют*. Все вообще русские мало читают, да и избегают читать серьезное. «Очень трудно», «серьезное содержание»... Ну, что же с ними делать, когда им все «трудно», и все им только хочется «легкого чтения», всего бы лучше «Вербицкую»... Великое русское «не хочется»... Вот вы с этим «не хочется» поборитесь; одолейте вы его. Попробуйте, чтобы русские начали читать, полюбили читать *трудную книгу*, чтобы полюбили «сухие науки»... Плохо-плохо наше «правительство», но под старость лет приходит ужасно горькая мысль, что единственно «плохое правительство» еще к чему-нибудь и подталкивает векового лежебоку, векового сонюлю... к чему-нибудь его *гонит*, чего-нибудь от него *требует*. Водворись-ка «республика», т. е. «сами собой правим», наступил бы такой сон, такой чудовищный храп, что домашний скот от звуков бы смутился. «Заснул мой хозяин», — сказала бы недоенная корова. В этом отношении удивительно показателен и доказателен смысл учебных забастовок. Ну, казалось бы, что очевиднее в своем внутреннем значении? Больными переполнена Россия,

врачей нет, роженицы, *даже в столицах*, разрешаются от бремени на тротуарах. «Сердись-не сердись, ваше благородие, ссорься-не ссорься с начальством, *а дела упускать нельзя, клиник закрывать нельзя, на лекции не ходить стыдно, клиник не посещать позорно*». Ведь так? Ведь это *нравственное* «буки-аз-ба»? Но... *apres nous le deluge*: какой же русский соня не есть в то же время и тайный Людовик XV, создавший этот исторический афоризм. Какое дело до «больных», до «больниц» русскому публицисту? «*Après nous le deluge*»*: и вся *образованная Россия* вдруг показала себя безразличной к образованию, равнодушной к больным, умирающим и поддержала могучее юное: «Не будем учиться! Не хотим учиться!»

Никто, никто не выговорил:

— Нет, что угодно, но не — «не учиться». Деритесь, бросайте бомбы, убивайте *единолично*: но чтобы *всею массою перестать учиться*... ведь это такое же *нравственное преступление, антикультурное преступление*, как если бы вы *всею массою* лишили себя невинности, — с мотивом: «это мы в пику правительству». «Не учиться» — столь же дурно: *и бороться* можно всем, но нельзя бороться, *лишая себя нравственных ценностей*, будет ли то даваемое вам образование, будет ли то ваша девичья невинность. И неужели, неужели вы остановились на «необразовании» оттого, что это *народу* тяжело, а не *вам лично* тяжело, как было бы при другом выборе?..

Никто не сказал. Ни один публицист, ни одна газета.

Странные сны снятся Обломову, и странные происшествия случаются в «нашей Обломовке» ...